

Арсеньев Н. Духовные силы в жизни русского народа

1

“Не хлебом единым жив будет человек”... Эти слова относятся к жизни не только отдельного человека, но и народов. Народы, как и отдельный человек, должны иметь тот источник вдохновения, который творчески орошает и оплодотворяет их жизнь и подымает их на высшую плоскость сравнительно с их природными данными, творчески расширяя их жизненные горизонты. Эти духовные начала есть самое ценное достояние в жизни народа; они его, и вместе с тем выше его, ибо они – те идеалы, согласно которым он стремится жить, и тот духовный масштаб, та духовная мерка, согласно которым он оценивает себя и свои действия и достижения, и нередко – в момент религиозного подъема и перелома – произносит суд над самим собой. Отрежьте эти корни духовной жизни, и нечем будет народу дышать духовно – задохнется в сутолоке повседневной жизни и ее страстей.

Для русского народа таким основным питающим фоном, таким источником духовной жизни было христианское благовестие, принесенное ему Православной Восточной Церковью и представленное в его истории и жизни этой Православной Восточной Церковью. Русский народ в своей вере, в своей духовной жизни – часто весьма несовершенной жизни – полон грехов и недостатков, – “ухватился”, так сказать, тем не менее, за самый центр христианского благовестия: снисхождение милосердного Бога к недостойному грешнику, кающемуся и пораженному Его милосердием. Евангельская история полна таких повествований – притчи о Блудном Сыне (1), о Мытаре и Фарисее (2), покаяние жены-грешницы (3), обращение Закхея (4), разбойник на кресте (5). Они нашли глубокий отклик в народной душе. Народная душа со всей силой сокрушенного чувства отзывается на такие слова из песнопений и молитв Великого Поста: “Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче”, “Разбойника Благодарного”, “Откуда начну плакати окаянного моего жития деяния? кое ли положу начало, Христе, нынешнему рыданию?”, “Помилуй мя, Боже, помилуй мя!”

Народ православный чувствовал себя недостойным грешником перед лицом Божиим и умилялся вместе с тем безмерному снисхождению спасающей любви Божией. С глубоким умилением следил он за словами и обрядами служб Страстной недели, рисуящими это безмерное снисхождение – даже до мук и Креста и смерти – Единородного Сына Божия. “Жизнь во гробе положился еси, Христе, и ангельская воинства ужасохуся, снисхождение славяще Твое”. – “Днесь висит на древе иже на водах землю повесивый; венцем от терния облагается иже ангелов Царь; в ложную багряницу облачается одеваей небо облаки”.

Это созерцание двух, так сказать, “полюсов” – Божественного и человеческого, сочетание величия с бесконечным снисхождением, терпением и добровольным уничтожением Сына Божия, это созерцание, столь характерное для самых основ христианского благовестия (“то, о чем мы слышали, что видели, что рассматривали своими глазами и что руки наши осязали” – это было “Слово Жизни”, “Вечная Жизнь”), столь характерное для всего мирозерцания и литургического благочестия Православной Церкви, вместе с тем глубоко покорило и захватило глубины души русского народа. Образ страждущего Христа глубоко ему дорог и близок. Это была не славянофильская только восторженность и идеализация, заставившая Тютчева сказать эти слова:

“Удрученный ношей крестной, Всю тебя, страна родная, В рабском виде Царь Небесный, Исходил благословляя”.

Да, греховность – ее было много в русском народе – и вместе с тем как часто была сердечная обращенность к образу страждущего Спасителя и к лику Его Милосердной Матери. Снисходящая спасающая любовь Божия, спасающая как раз и грешника, и именно грешника, – вот что поразило раз и навсегда душу русского народа. В этом отношении Достоевский в одной из основных его тем – обращение грешника, прикосновение благодати к сердцу грешника – глубоко народен. Вот почему так популярен в народном предании образ кающегося грешника, резко осудившего себя и меняющего свою жизнь (срвн. и в русской литературе, напр. образы Анания в “Горькой судьбине” Писемского, “Власа” Некрасова, кающегося Никиту и слова старика-отца во “Власти тьмы” Толстого).

Но не только страждущий Богочеловек, близкий к нам, к нашему страданию, не только благостный смиренный учитель, имеющий власть прощать грехи, допускать к себе мытарей и блудников, но не в меньшей степени и Воскресший Господь, Победитель ада и тьмы, и греха и смерти, навсегда покорило душу русского народа. Об этом свидетельствует то огромное общенародное значение, которое в России имеет Светлый Праздник Воскресения Христова в народной, как и в церковной жизни. Это был “праздник из праздников” и “торжество из торжеств”. Лучи победы освещали в нем жизнь, давали новый смысл жизни, пронизывали ее отголоском Воскресения Христова. Победа Божия над силой ада и смерти – это то, под знаменем чего христианин совершает свой путь на земле и что дает ему отраду и надежду.

2

На самую ткань жизни ежедневной, наложило свою печать христианство там, где оно творчески

воздействовало на народную душу. Русский человек нередко был склонен к эмоциональному беспорядку, к отсутствию дисциплины, к “размаху”, который порою переходил в хаос, а в некоторых кругах интеллигенции (как и в бабах-кликушах) особенно в начале 20-го века, нередко порождал истерию, ярко представленную, например, писателями-“символистами”. Православная Церковь, великая воспитательница народной души, насаждала в русском человеке дух трезвости, внутренней меры, смирения, мужественности и духовного подвига, подчиняющего внешнюю эмоциональность просветленным законам духовной жизни. Великие старцы и наставники духовной жизни были живыми носителями и примерами этого подвига. Но этот идеал трезвости, “благолепия”, “благообразия” духовного захватывал и широкие круги народа. Соединение скромности, смирения с каким то внутренним достоинством человека-христианина было характерно для многих живых представителей христианского мирозерцания в народной среде. Примеров можно привести бесконечное количество. Но из литературных примеров, может быть, один из особенно ярких, это – сцена в “Декабристах” Л.Н. Толстого, как деревенская старуха Тихоновна, в хлопотах о своем несправедливо заключенном муже, отправляется в Москву, в московскую усадьбу своих господ Чернышевых. Робко входит она в большую “людскую” избу. Это для нее – выход в большой незнакомый свет. Критические взоры столичной прислуги встречают ее. Но она так подлинна в своем деревенском правильном наряде, в своих белых онучах; так истово кланяется она сначала три раза перед иконой, а потом уже на все стороны присутствующим, что смешки смолкают. Есть внутренняя подлинность, внутреннее достоинство в этих смиренных, часто совсем простых людях, внушающее уважение. Это “благообразие” духовное предносилось как идеал многим крепким в вере и отцовском благочестии русским людям и осуществлялось многими из них. Оно наложило свою печать, напр., на патриархальные формы русского религиозно-укорененного семейного быта в самых различных слоях русского населения, начиная от крепких крестьянских семей, особенно, напр., старообрядческих, и кончая связанными с духовной традицией предков семьями купечества, духовенства и дворянско-аристократического класса. Стержнем благочестивой русской семьи является родительское благословение, о котором говорится уже в русских былинах об Илье Муромце, о Добрыне Никитиче, о Дюке и даже в былине о Ваське Буслаеве. Преподание родительского благославения новобрачным обставлялось особенно торжественно; ряд примеров, взятых из крестьянской среды различных русских губерний, собран, напр., у Терещенки в его книге “Быт русского народа”, вышедшей более ста лет тому назад (1848 г.). Носительницей, особенно чтимым символом этого благословенного духовного наследия предков была дедовская икона, переходившая из поколения в поколение. Она представляла собой невидимое присутствие Божие в семье и нерушимую духовную связь с предками и благословение родителей.

Мать-христианка является часто духовным питающим центром христианской семьи. Ее воздействие на детей бывало огромно. Она часто была главным проводником религиозного начала в жизни семьи. Вспомним, напр., что говорили о своих духовно очень замечательных матерях такие выдающиеся русские люди, как А.С. Хомяков или философ князь Е.Н. Трубецкой, признававшие решающее, основоположное влияние своих матерей- христианок на всю свою духовную жизнь. Благодатная жизнь Церкви вливалась в семью особенно сильно через посредство матери (и в прежние времена и поныне).

3

Русская культура была глубоко и решающим образом оплодотворена религиозным началом, черпала свое творческое вдохновение в значительной степени из источников своего христианского опыта. Остановлюсь лишь на некоторых проявлениях этих христианских начал в русской культуре.

Через всю русскую классическую литературу 19-го века красной нитью проходит проповедь жалости к страждущему брату и провозглашение великого достоинства человека, кто бы он ни был и к какой бы среде, к какому бы слою он ни принадлежал. Над русской классической литературой 19-го века можно было бы надписать в виде эпиграфа слова Пушкина: “Милость к падшим призывал”. Вспомним галерею бедных, забитых “маленьких” страждущих людей в русской литературе, “Бедных людей”, “Униженных и оскорбленных”, людей из “Мертвого дома” Достоевского, всех этих преступников, блудниц, пьяниц, которых он изображает с сочувствующим состраданием, в которых он, среди грязи и разврата, находит затаенную, еще теплящуюся искру Божию. Вспомним мягкий, сострадательный юмор великого человеколюбца Чехова, любовь Толстого к простым людям. Русская классическая литература 19-го века явилась и является великой учительницей христианской любви, из которой она почерпала свою великую, нравственно двигающую силу, вылившуюся при этом не в сухих каких-либо прописях, а в великих живых произведениях искусства. Школа любви, школа признания ценности индивидуального лица каждого человека – как это абсолютно противоположно большевистской проповеди! И этому суждено одержать победу над ней. Недаром в Советской России так зачитываются русскими великими классиками 19-го века. Здесь – один из прорывов в большевистском духовном фронте, уже осуществляющихся теперь прорывов.

Можно сказать, – и не без основания, – что и дух простоты и подлинности, столь характерный для русской великой литературы 19-го века, имеет религиозные корни, вдохновлен духом, живущим в Православной Церкви, в ее великих святых и подвижниках. Трезвость, сдержанность духовная, глубокое смирение и простота сердца, в которой сказывается истинное величие духа, как это характерно – мы уже видели – для ее духовной традиции, для высот ее религиозной жизни!

Не повлияло ли это на эту поразительную трезвенность и лаконическую сдержанность и внутреннюю целомудренность стиля которые поражают нас в величайших лирических творениях Пушкина и Тютчева?

Воздействие Православной Церкви на все развитие русской культуры вообще многообразно, трудно поддается учету по своему богатству и многообразию. Не буду останавливаться на изумительных произведениях русского церковного искусства – на древних русских иконах и русском религиозном зодчестве. Но хочу сказать несколько слов о весьма ярком и оригинальном развитии русской религиозной мысли.

Русская религиозная мысль нового времени, особенно в лице Ивана Киреевского (1806-1856) и А.С. Хомякова (1804-1860), которых можно считать родоначальниками, представляет замечательный синтез между данными западной философии и традициями внутренней жизни восточного христианства. Недаром И. Киреевский в письме к Хомякову 1839-года называет Исаака Сирина величайшим христианским мыслителем. Истинное познание Божественного дается только при изменении моего внутреннего “я”, при вращении моем в божественную действительность. Я должен сам измениться, сам переродиться, сам преобразиться, и только так становлюсь я способным постигать Истину не словами, а существенно. Познание Истины есть новая жизнь, жизнь обновленного духа, захватывающая всего человека, его волю и чувства и внутреннее познание, а не только логические схемы. Кто знает об Истине только по наслышке и не живет ею, подобен, согласно Исааку Сирину, человеку, желающему утолить свою жажду водой, нарисованной на стене. Все учение Киреевского о познании истины может рассматриваться как комментарий к этим словам апостола Павла во 2-ом Послании к Коринфянам: “Мы же с открытым лицом, взирая на славу Божию, мы сами преобразуемся из славы в славу, как от Господня Духа” (3, 18). Воздействие Духа Божия в “соборности” братской любви, объединяющей нас друг с другом, силою Духа, причем принцип свободы личности органически соединяется с принципом братского общения, – вот основная тема Хомякова. Свобода морального развития личности и вместе с тем любовь, объединяющая нас воедино с братьями в великий живой организм единого Тела Христова, вот что, по убеждению Хомякова, есть смысл жизни и истории человечества. И национальная жизнь призвана служить этому великому объединению всех людей в Боге, в Истине Божией, в живом организме Тела Христова.

“О вспомни свой удел высокий”, –
– говорит он России,
“Былое в сердце воскреси,
И в нем сокрытого глубоко
Ты Духа Жизни допроси!”

Для Достоевского (который был не только великим художником, но одним из великих христианских мыслителей нового времени) ответ на обуревающие нас сомнения, на наши страдания, на несправедливость, царящую в мире, на нужду, нищету, на глубину нравственного падения человека, ответ на то, что мы в смысле жизни и в истине и правде Божией начинаем сомневаться, – дан только в одном, в образе Христа, который сам раскрывается нам, в глубинах сердца нашего, как Имеющий власть прощать, как безмерно Снисходящий к нашему страданию и падению, как Милующий и Восстанавливающий нас, как Сам Свидетельствующий сердцу нашему о действительности Истины и Любви, которые Он есть Сам. В Любви Божией, снисходящей к нам во Христе, и в нашей непосредственной встрече с Ним (ибо другого доказательства нет, кроме этой встречи) раскрывается для болезненно-чуткого, для душевно взбудораженного и мятущегося Достоевского смысл и цель и жизни и страдания нашего, и освящение жизни и предчувствуемое уже теперь преобразование мира (как у старца Зосимы в Карамазовых, или у странника Макара Ивановича в “Подростке”). Достоевский в своем мирозерцании глубоко христоцентричен и вместе с тем глубоко народен. Не закрывая глаза на всю мерзость падения, на которую способен русский народ, он продолжает любить его даже в падении его (хотя оно ему омерзительно) и верит в его восстановление силою Божией.

4

Ибо христианство, как мы знаем, влияло не только на эстетическую культуру, на литературу, на религиозную философию русского народа, не только на патриархальный быт благочестивых семей – оно оказывало воздействие на весь поток исторической жизни русского народа среди всех его падений и недочетов, оно часто было ему маяком среди мрака его страдания и собственного греха. То, что мы говорили о покаянной стихии, захватывающей русского человека, напр., в богослужениях Великого Поста и особенно ярко проявляющейся в отдельных случаях обращения тяжкого грешника к Богу, – это относится в значительной степени и к жизни и к судьбам русского народа в его совокупности.

Уже в летописи Нестора под 1093 годом, при описании страшного набега половцев и мук русских людей, особенно же отведенных в плен, усиленно проводится мысль, что это есть пощущение Божие в наказание за грехи народа. Это чувство вины своей перед Богом и что Бог карает нас за грехи наши, часто пробуждалось в самых широких кругах народа в моменты кризисов или горя народного. Об этом свидетельствует, напр., то широко распространенное в Смутное Время сказание о некоем благочестивом человеке, который в видении был перенесен в какую-то большую церковь и видел, как Матерь Божия слезно молила Сына Своего простить грех заблудившихся и впавших в глубину греха русских людей (6).

То же сознание всенародного беззакония и необходимости покаяния проступает в известном видении 1521 года, которое имела (по свидетельству стольника Лызлова) некая слепая монахиня Вознесенского Монастыря в Кремле. Она видела, как через Спасские ворота выходили из Кремля все святые, почивающие в кремлевских соборах, унося с собой Владимирскую икону Божией Матери, чтобы предоставить Русь и Москву насылаемой на них каре Божией. Но навстречу им вышли Сергей Радонежский и Варлаамий Хутынский и умоляли святых вернуться и не отказываться от своего

предстательства перед Богом за русский народ. Та же идея необходимости покаяния пророчески звучит в конце “Бесов” Достоевского. Под знаменем этого покаяния в своих грехах перед Богом только и мыслимо и в наши дни действительное возрождение России и избавление ее от темных сил, действующих в большевизме.

И активному служению ближним учила Церковь русских людей. Живым примером такого любвеобильного служения ближнему были, напр., Оптинские старцы 19-го века. И был ряд предстоятелей Церкви, которые бестрепетно выступали за правду перед сильными мира сего и обличали их, не боясь смерти. Так Феодосий Печерский обличал великого князя Святослава за незаконный захват им киевского престола. Так же мужественно обличали князей за неправду и другие печерские подвижники – Григорий Чудотворец (князя Ростислава) и игумен Иоанн (великого князя Святополка II). Св. Григорий Вологодский в 1430 году мужественно выступает с обличением против Димитрия Шемяки за незаконно начатую междуусобную войну. “Князь Димитрий”, говорит он ему, “разве ты не читал в Писании: Суд без милости не оказавшему милости?” Вспомним мужественный подвиг свидетельства о правде митрополита Филиппа Московского, запечатленный его мученической смертью, и особенно близко нас касающийся и близко нас захватывающий подвиг бесчисленных мучеников и исповедников последних лет в Советской России.

Высший цвет человечества имеем в лице святых его. Они как бы теперь уже являются переходом, тут, среди нас, к высшей степени бытия и тем самым служат живыми свидетелями этой божественной действительности. Они вместе с тем и высший цвет нации, произведший их, но они не укладываются в рамки только национальные, как вообще все лучшие духовные и культурные ценности человечества. Истинные светильники подлинной христианской жизни – не словом, а делом и всем бытием своим – русские святые поэтому одновременно сверхнациональны, ибо из сверхнационального и Вечного черпают они силу свою, и вместе с тем они – высшее достижение русского народа. В них русский народ ощущал близость Божию. Они уходили в леса и пустыни и болота, на берега пустынных озер и рек, на далекие дикие острова, и народ шел к ним, ибо знал, что великие силы, великие возможности любви и горения духовного и помощи ближнему выработаны ими в этом их молитвенном уединении, и получал помощь от них. Имена их бесчисленны. А другие оставались в мирской обстановке и светили в ней. Вспомним, напр., уже Завещание Владимира Мономаха детям своим и характеристики его и других благочестивых и праведных князей в Древней Летописи.

Суровый подвиг личный, соединенный с любвеобильным служением ближнему, смирение и трезвенность и простота, детская простота сердца, сочетающаяся с великой мудростью духовной, с даром “различения”, духовный такт и горение духа, просветляющее всю окружающую духовную атмосферу (как мы имеем, напр., в лице Серафима Саровского) – вот характерные черты высшего проявления в жизни русского народа этих творческих и при том свыше, из другой, сверхсубъективной области приходящих сил, свидетельствующих о другой, высшей действительности. Особенно же ярко и наглядно проявилось это свидетельство, как мы указывали, в подвиге мучеников и исповедников, бесчисленных, – причем имена только некоторых нам известны – пострадавших при большевиках за веру Христову. Вспомним, например, имена митрополита Вениамина Петроградского, митрополита Арсения Новгородского, Митрополита Петра Крутицкого, епископа Дамаскина Глуховского, архиепископа Иллариона, многочисленных Соловецких мучеников и исповедников, и многих, многих других...

Одной чертой русской религиозности хочу я закончить. В центре ее – как мы уже говорили – стоит радость о Воскресении Христовом, радость о победе Сына Божия – через распятие и воскресение Свое – над силами ада и тьмы и смерти. Вот эта вера в победу Божию, эта радость воскресения, этот дух первохристианской проповеди, живущий в ней (“Сия есть победа, победившая мир - вера наша” - 1 Иоан.5,4), и есть тот стержень духовный, то знамя духовное, которое поможет русскому народу в его борьбе против темных сил Зла и Лжи за Правду Божию.

1. Лк. 15.11-32.

2. Лк. 18.10-14.

3. Лк. 7.37-50.

4. Лк. 19.2-10.

5. Лк. 23.40-43.

6. Различные редакции этого видения помещены в 13 томе Сборника Императорского Исторического Общества, посвященном Смутному Времени.

Из книги "О жизни преизбыточествующей", Брюссель, 1966.

http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Article/Ars_DuhSil.php